

Гарбар Давид

«ГДЕ ТА СТРАНА, ЧТО РАНЬШЕ БЫЛА НАШЕЙ?»

Несколько слов вместо Предисловия

До приезда в Германию я никогда не переводил стихов. Тем не менее, здесь предполагается опубликовать мои “переложения” стихотворений разных, преимущественно немецких (но не только) поэтов. Некоторые из них не были немцами ни по национальности, ни по месту рождения, – но писали на немецком, а многие еще и верлибром, другие – писали на греческом, итальянском и других языках.

Конечно, как сказал мне как-то один из крупнейших западных специалистов по русской словесности профессор Вольфганг Казак, «это Ваши стихи на их темы». Но уж очень дороги и близки мне «их темы».

В своем решении “пересказывать” их стихи я руководствовался известными строками Бориса Пастернака, обращенными к Паоло Яшвили:

*“Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник“.*

Я беру эти строки в качестве эпиграфа и надеюсь, что своими “переложениями” не “испорчу” впечатления от творчества этих прекрасных поэтов.

Пауль (Поль) Целан (23.11. 1920 – 20.04.1970)

Первые послевоенные годы ознаменовались выходом на авансцену поэзии целого ряда великолепных мастеров, писавших на немецком языке. Это и Роза Ауслендер, и Ингеборг Бахман, и Йоханнес Бобровски, и Нобелевский лауреат Нелли Закс, и Мария - Луиза Кашниц, и многие, многие другие. Трудно, да и не нужно расставлять творцов по ступеням иерархических лестниц. Но, по справедливости, нельзя не отдать одного из первых мест в этом ряду Полю Целану. Его появление на поэтическом небосклоне Европы было подобно вспышке ярчайшей звезды. И не только потому, что он прожил относительно недолгую жизнь, и не потому, что он был обладателем многих престижнейших премий своего времени (это, скорее, следствие), и не потому, что он успел познакомить Европу с творчеством таких замечательных поэтов, как О. Мандельштам, М. Цветаева и др, но еще и потому, что его творчество оказало большое влияние на творчество его коллег и современников, потому, что некоторые его стихотворения стали “знаменем XX века”. И в первую очередь, это относится к его “Фуге смерти”. Именно ее, “Фугу смерти” прочитала в Бундестаге 9 ноября 1988 года - в 50 -ую годовщину “Хрустальной ночи” немецкая актриса Ида Эре.

Поль Целан, как и многие его современники – поэты первых послевоенных лет, прожил трудную, трагическую жизнь. Его становление и формирование как человека и личности пришлось на предвоенные годы и годы фашистской оккупации. И это не могло не сказаться на его творчестве, на его судьбе. Он всегда ощущал себя находящимся в «другом измерении». Он писал: «Читатель может пытаться понять меня

только «издалека», между нами всегда будет стоять преграда, за которую ему не переступить».

Попытаемся “понять”

Объем публикации не позволяет дать литературно-критический разбор творчества поэта и его биографию. Да в этом, собственно говоря, и нет особой необходимости, ибо и то, и другое имеется в многочисленных источниках. Гораздо важнее показать, как и о чем он думал. А это в его стихах. Правда, и тут возникают существенные трудности: Поль Целан писал на немецком и верлибром. Автор настоящей статьи пишет рифмованные стихи. Поэтому и называет свои стихи “переложениями”, ибо пишет их “по мотивам” .

С такой формой можно спорить, хотя в истории русской литературы имеются блистательные примеры написания подобных стихов. Именно эти примеры и позволили мне посягнуть на переложения стихов П. Целана.

В правомерности такой позиции меня укрепило высказывание А.А.Вознесенского в его книге “На виртуальном ветру” (Москва, “Вагриус”, 1998 г. Серия “Мой 20 век”) относительно его переводов – переложений из Микеланджело: «*Мое переложение имело иное направление... Хотелось хоть в какой-то мере воссоздать не букву, а направление силового потока, поле духовной энергии мастера*» (стр. 355).

И далее: «Понятно, не все в моем **переложении** является буквальным слепком.

Но вспомним Пастернака, лучшего нашего мастера перевода»:

*Поэзия, не поступайся ширью,
Храни живую точность, точность тайн,
Не занимайся точками в пункте
И зерен в мере хлеба не считай.* (стр. 360)

Все вышесказанное полностью отвечало и моим намерениям при переложении стихов Поля Целана.

Давид Гарбар

По мотивам стихотворений Поля Целана

Прибой

(Brandung)

О время, – пылью сеющее в дюнах,
Сквозь пальцы просеивающее дни, –
Скажи, могу ль остаться вечно юным?
Что значат для меня манящие огни?

Скажи мне, что доступно человеку?
Вторую жизнь он может ли прожить?
Что передаст он будущему веку?
И сколько в космосе ему кружить?

Вопросы набегают, как прибой:
Где та страна, что раньше была нашей?
Кто я наедине с самим собой?
И почему наш век так страшен?

Вопросы набегают, как прибой...
Прибой приносит мне вопросов новых рой...

**Тот, кто считает бранные часы.
(Der uns die Stunden zahlte)**

Тот, кто считает бранные часы, –
Не знает он ни отдыха, ни сна.
Зима минует, лето, осень и весна,
А он считает бранные часы.

Он без вражды считает, нас любя, –
Тот, кто считает бранные часы.
Все сделанное положил он на весы.
Но слушает и слышит лишь себя.

**«Расчесывает волосы, как мышь...»
(«Sie kämmt ihr Haar wie maus...»)**

Расчесывает волосы, как мышь.
Обломок мира на её груди.
 И Слово знает. Но смеется лишь,
 Поскольку знает, что там впереди.
И смешивая тихий смех с вином,
Что должен выпить, коли хочешь жить,
 Она спокойно смотрит в каждый дом
 И заставляя нас то снадобье испить.

**«Я сплю с открытыми глазами...»
(«So schlafe, und mein Aug...»)**

Я сплю с открытыми глазами.
Дождь наполняет кружку до краев.
Мы пьем его. А ночь играет с нами.
Воспоминанья входят к нам под кров.

Я вижу цвета снега белизну.
Потерян – найден, всполохи огня.
Порывы ветра, волосы, весну...
Что для нее часы, то годы для меня.

**«Ты изменилась, я не узнаю...»
(«So bist du denn geworden...»)**

Ты изменилась, я не узнаю
Тебя такой, какой ты стала.
Я думать о тебе не устаю.
И сердце по тебе стучать не перестало.

Ты в той стране, где сонмища теней
В колодцах памяти зывают к свету.
Ты вся в колодце памяти моей.
К воде я наклоняюсь: Где ты?! – Нету.

В колодце памяти ты предо мной стоишь.
Ты мнишься мне сквозь блики и мерцанья.
Я знаю, – прошлого не воскресишь... .
Но я стремлюсь к тебе в томленьи упования.

Кувшины (божьи)
Корчма – 1 вариант
(Die Krüge)

Клаусу Деннису

Наш мир – корчма. За длинными столами
Кувшины божьи Время пьют.
Счет множится. Незримыми крылами
Над ними тени – там и тут...
Счет множится. Играют Боги с нами.
И скоро Счет к оплате подадут.

Кувшины (божьи)
Корчма – 11 вариант
(Die Krüge)

Клаусу Деннису

В корчме у Бога за Столом времен
Кувшины божьи пьют, наивно полагая:
Жизнь бесконечна, словно Стол времен.
Слепым и зрячим в кружки наливая,
С улыбкой на пирующих взирает Он,
Готовый Счет к оплате приуготовляя.

На уровне моря
(Auf hoher See)

Я в рюмке утопил Корабль – Париж.
В той рюмке, что я пью с мечтою о тебе.
Так долго пью, что почернело сердце. А Париж
Плывет в слезах по собственной Судьбе.

Так долго пью я, что туман Мечты
Укрыл меня от мира, в коем я
Парю на веточке любви. А ветка – ты.
И я дрожу как лист. И пью. За нас. И за тебя.

«Я здесь один...»
(«Ich bin allein...»)

Я здесь один. И мертвые цветы
Несу в стакане, полном черни спелой.
За окнами я слышу речь сестры,
Которая со мной лишь в сне несмелом.

Я весь в прошедшем времени стою.
Живицу накопил для поздней птицы,
Летящей с льдинкой в клюве в жизнь мою,
Чтоб в пекле лета дать напиться.

Мандорла

(Mandorla)

*(Миндальный орех – символ сокрытости истины
на языке средневековой мистики)*

Что в глубине хранишь ты, о Орех?
Ничто.
Ничто скрывается в твоей бездонной глубине.
Король – Ничто. Спасенье в нем и грех.
Что суждено в той глубине увидеть мне?

В чем горечь наша, иудейский род?
Что видит взор в безмолвии глубин?
Что обречен увидеть мой народ?
Что сделать должен иудея сын?
Ответь, орех бездонный!

«Пересчитай миндаль ...»

(«Zähle die Mandeln...»)

Пересчитай миндаль, и горечь снов твоих
Мне предъяви, как счет к оплате.
Перечитай всю гамму слов моих,
Где вся ты, – в трауре и злате.

В словах тех имя обретаешь ты, –
Единственное истинное имя.
Я собирал в словах желанья и мечты,
Чтоб сделать их твоими и моими.

Псалом

(Psalm)

Никто не вылепит с тобою нас из глины.
Никто не станет сохранять наш прах. Никто.
Никто, в чьи божие кувшины,
Бутоны алые опущены в Ничто.

Ничто мы были, есть и будем, –
В бутонах роз, в цветах – Ничто.
И сердце-пестик обращая к людям,
Поет в венце из слов псалом Никто.

Вместо Послесловия

Так получилось, что после почти десяти лет, прошедших со времени моей работы над переложениями стихотворений Поля Целана, я вновь вернулся к нему, к его стихам. Вероятно, это стремление жило во мне ещё с тех пор: я собирал сведения о нём, читал его стихи, думал. И вот это случилось.

Не знаю, насколько эти мои переложения отличаются от предыдущих. И отличаются ли. Скорее всего, да, – ибо я изменился. Изменилось и моё мировосприятие. Должны были измениться и стихи. Я пишу об этом, ибо помню слова Вольфганга Казака. Вероятно, он был прав. Но темы-то «их» – этих замечательных поэтов недавнего прошлого. И большое им спасибо за «их темы», за возможность войти в их непростой и такой трагический мир. Вечная им память и наша благодарность.

Тьма (Tenerbae)

Молись, Господь! Мы близко, на подходе.
Сцепившись, – тело с телом, – мы идём.
Под ветром, под губительным дождём –
На водопой, которого не может быть в природе.

То кровь была, что пролил ты, Господь.
Она в глаза нам образ Твой бросала.
Мы пили образ Твой и кровь, – нам было мало.
Молись, Господь! Молись, молись, Господь!
Мёерс. 14.09.2010 г.

«Была в них земля»

Так рыли и рыли – без отдыха, сна.
И цель их была – докопаться до дна.
Они не молились – Он знал, что творил.
Хотя Он об этом и не говорил.

Нет мыслей, нет песен, нет языка.
Мы роем, – к лопате привыкла рука.
Вот буря проходит, проходит затишье.
Ты роешь, я рою, мы роем – всё тише.

Ты роешь, я рою, – я рою себя.
Земля, – вот что свяжет меня и тебя.
Мёерс. 14.09.2010 г.

«Слово о Пути-в-Глубину»

Глуби глубины, углубляя глубь...
Слова, слова, слетающие с губ.
Ты знаешь, что пространство бесконечно,
И слово о пути в глубины – вечно.
Мёерс. 14.09.2010 г.

Твоё бытие

Я возвратил тебя в ту ночь словами.
Всё истинно: ты здесь, сейчас.
Подумай, – кто растёт здесь, подле нас,
Что с нами и что между нами.

Бог, так прочли мы, – только часть всего.
Другая – в смерти скошенных судьбой.
Туда ведёт нас взгляд с тобой.
Там, в той ночи я вижу Бога моего.
Дуйсбург. 14.09.2010 г.

Шлюз

Другого неба нет. И с давних пор,
Где были тыщи слов, осталось лишь одно.
Я исчерпал слова, – я вижу речи дно.
Сквозь шлюз прошли лишь *Кадиш* и *Искор*.
Дуйсбург. 14.09.2010 г.

Ингеборг Бахман

Продолжаем знакомить читателей с творчеством немецкоязычных поэтов послевоенной Европы. Роза Ауслендер. Поль Целан. Теперь Ингеборг Бахман.

Мы сознательно поместили Поля Целана и Ингеборг Бахман рядом. Они и были рядом. С тех пор как повстречались в послевоенной Вене. Повстречались два молодых человека (ему было 27 лет, ей 21 год). Повстречались два сложившихся поэта. Повстречались и полюбили друг друга. Но, видимо, мощь этих двух талантов была столь велика, что они так и не смогли сложиться в семью. Жизнь развела их: Поль Целан уехал в Париж, Ингеборг Бахман осталась в Вене. Защитила докторскую диссертацию по философии Мартина Хайдеггера. Затем жила в Италии, Швейцарии, Западном Берлине, опять в Италии, где и погибла в результате несчастного случая, ненадолго пережив Поля Целана. Преподавала. Писала прозу. Переводила. И всё время писала стихи.

В мою задачу не входит ни изложение биографии И. Бахман, ни критический разбор её творчества. И тому, и другому посвящены десятки работ специалистов. Это не тема для журнальной публикации. Да и нужды в этом нет, ибо биография поэта в его стихах. А стихи она писала замечательные: глубокие, умные, гражданственные, смелые, честные. И очень лирические.

Уровень её творчества и её авторитет были таковы, что долгое время она была одним из лидеров в послевоенной поэзии Европы.

Обладательница многих престижнейших наград и премий, она и сейчас остается эталоном в поэтическом и гражданском обществе Австрии. Интересен такой факт: когда относительно недавно в правительство Австрии вошли последователи Георга Хайдера, наследники Ингеборг Бахман приостановили присуждение правительственной премии её имени. Это ли не гражданский поступок.

Я предлагаю Вашему вниманию небольшую подборку своих переложений из Ингеборг Бахман. О мотивации термина “переложения” я уже писал в предыдущих публикациях. Могу только добавить, что достичь уровня Ингеборг Бахман – задача трудновыполнимая. Буду рад, если мне удастся хотя бы обозначить некоторые из тем её поэтического творчества, – тех тем, которые созвучны моему мировосприятию. Надеюсь, что эта публикация послужит побудительным мотивом для Вашего дальнейшего ознакомления с творчеством этой замечательной поэтессы.

Примечание. Стихотворения помещены в порядке их “переложения”.

Давид Гарбар

По мотивам стихотворений Ингеборг Бахман

**Большой фрахт
(Die große Fracht)**

Хоть летний груз погружен и уложен,
И солнечный корабль уже снаряжен,
Но чайка мечется, и крик её тревожен,
Хоть летний груз погружен и уложен.

Да, солнечный корабль в гавани готов.
Но на губах фигуры галиона – ростры
Лемурская улыбка светит остро,
Хоть солнечный корабль в гавани готов.

Но чайка мечется, и крик её тревожен.
Ведь с запада приказ: идти ко дну!
В огне с открытыми глазами я тону.
А чайка мечется, и крик её тревожен.

**Отсроченное время
(Die gestundete Zeit)
(Идут лихие времена)**

Идут лихие времена, –
Ткань времени расчленена.
Не время в поле полевать,

И рыб ловить, и люпин жать.
Пора ботинки шнуровать.
Ткань времени расчленена.
Идут лихие времена.

Идут лихие времена, –
Ткань времени расчленена.
Любимый тонет твой в песке.
Немеет голос твой в тоске.
Седеет волос на виске.
Ткань времени расчленена.
Идут лихие времена.

Идут лихие времена, –
Ткань времени расчленена.
Пора ботинки шнуровать,
Собаку с поля отзывать,
Рыб не ловить, люпин не жать.
Ткань времени расчленена.
Идут лихие времена.

Тени, розы, тени **(Schatten Rosen Schatten)**

Под чуждым небом вижу тени роз.
Но то не розы, – только тени.
И тень моя в воде, – как отраженье,
Среди других теней. И теней роз...

Останься **(Bleib)**

Рейс кончился, попутный ветер сник.
И всё рассыпалось, как карточный домишко.
Но партию мы отыграли быстро слишком.
И я молю, чтоб парус не поник.

Останься хоть на карточном столе.
Ты мною выигран. И весь ещё во мне.

Изгнанничество **(Exil)**

В своих скитаниях я не живу.
Не числюсь среди живых и мертвых тоже.
И нет меня во сне, нет наяву.
Лишь ветер шевелит лохмотья мёртвой кожи.

Я не жива в толпе разноязыкой.
Лишь речь немецкая мне согревает кровь.
Она звучит мне сладостной музыкой

И к жизни брэнной возвращает вновь и вновь.

В наши дни
(Alle Tage)
(Современность)

Война закончена. Но битвы всё идут.
Герои гибнут не в сраженье.
Бессилье стало нормой, стилем – тленье.
Надежду нам лишь звёзды подают.

Она – награда тем, кто против подлых драк,
Кто не встает под черные штандарты,
Кто верен другу, кто не прячет карты,
Тому, чье слово чести – не пустяк.

Известие
(Botschaft)
(Послание)

Из трупно-тёплого преддверия небес
Выходит солнце, освещая жизни храм.
Могильников непроходимый лес
Бессмертия не обещает нам...

В вихре роз
(Im Gewitter der Rosen)

Те розы, в коих мы купались днём,
Шипы имеют свойство ночью нам являть.
Листва кустов, что укрывала нас вдвоём,
Теперь мешаает врозь по жизни нам шагать.

Череда
(Reigen)

Они проходят предо мной –
Любви погасшие глаза.
Проходят длинной чередой,
Могущей столько рассказать.

Огни погасли. Только дым
Из кратера ещё идет.
Ресницы дышат. Им одним,
Им кажется, их кто-то ждёт.

Чредой погасшие глаза...
Что видят и не видят вас.
Как много хочется сказать:
Любовь!.. Но это не про нас...

Поток (Течение)

В потоке времени: от жизни к смерти
Заплыла я настолько далеко,
Что даже на плаву держаться нелегко,
Не то что выгребать из этой круговерти.

Любой поток стремится к океану.
И мой челнок в потоке том.
Не знаю я, что ждёт меня потом.
Но выгребать обратно я не стану.

Игрушки прошлого и запахи корицы
К убитым временем нас возвращают дням.
Но памяти поток уносит в даль меня –
Уносит в когти оловянной птицы...

Нелли Закс

Я продолжаю публикацию своих переложений. Продолжаю стихами, написанными по мотивам стихотворений лауреата Нобелевской премии 1966 г. поэта Нелли Закс. Трудно переводить стихи Нелли Закс. И не только потому, что это стихи большого поэта. А ещё и потому, что её стихи наполнены горем, горечью и скорбью по еврейскому народу, по родным и близким, погибшим в фашистском аду. Это главная тема её творчества, её главная сердечная боль. Самой Нелли чудом удалось избежать смерти: в 1940 году при помощи замечательной шведской писательницы Сельмы Лагерлёф Нелли Закс с престарелой матерью эмигрировала в нейтральную Швецию и тем спаслась от общей участи. Спаслась. Но ...

У меня относительно немного переложений из Нелли Закс. Причин тому несколько. Во-первых, нелегко переводить (или даже пересказывать) стихи мастера такого уровня и стихи такой концентрации ужаса и горя; Во-вторых, как Нобелевского лауреата, её больше, чем других, переводили на русский. И, наконец, я ещё никому не давал слова, что не вернусь к переложениям из Нелли Закс и других поэтов. Впрочем, даже в этой подборке видно, что я возвращаюсь к её стихам. А пока:

Давид Гарбар
По мотивам стихотворений Нелли Закс

В стране Израиль

Я Вам победных песен не пою,
Мои возлюбленные сёстры, братья,
Вам, выстрадавшим Родину свою,
Хотела-б я открыть свои объятия.

Вы, брошенные за борт корабля,
Принявшие в наследство углый чёлн,
Страну создавшие почти с нуля,
К победе привели её средь волн.

Я Вам победных гимнов не пою,
Мои любимые собратья и сосёстры,
Унять хочу лишь кровь, и Вашу, и свою,
И слезы осушить, и освятить погосты.

Хочу найти потерянных друзей,
Хочу найти забытые могилы,
Хочу унять тоску по Родине своей,
Хочу воспеть Ваш труд и край, –
 святой и милый.

Переложение: Дуйсбург, 1.06.1999 г.

– · –

Один аккорд:
 отлив – прилив,
охотник – дичь,
 несчастлив и счастлив.
И кровью нить,
 и запахи беды.
Дорога к праху...
 И молчанье у воды...

Переложение: Дуйсбург, 4.06.1999 г.

– · –

В порыве ветра запахи смертей.
И снасть забрасывает вновь рыбак.
Рывок! И ангелам не победить чертей.
И жабры – своре бешеных собак.

Но тихо всё вокруг. Прошла гроза.
Старушки дремлют под молитвы гул.
Лишь буквы на стене горят. И жгут глаза...

Порыв огня лампы не задул
Переложение: Дуйсбург, 13-16.05.2000 г.

Земля, планета-старица

Ты, побирушка с Млечного Пути,
С морями, полными невыплаканных слёз,
Летишь дорогою вселенских гроз,
Стараясь лишь с орбиты не сойти.

Мир в одиночестве своём
Бредёт тропею, полной гари.
Ты – побирушка на пожаре.
Дым заполняет окоём...

Ты, побирушка с Млечного Пути,
Смотри, они убиты все, убиты!
А ты всё держишься своей орбиты...
Ну, как с ума здесь не сойти!
Переложение: Дуйсбург. 13.11.2010 г.

В жилищах смерти

Вам, созерцавшим эту смерть,
Как вам живётся, вам не больно?
Неужто взгляды их невольно
Не заставляют вас неметь?

Неужто взгляды ломких глаз,
Неужто жесты рук молящих
Не заставляют вас всё чаще
Их вспоминать? Иль это не про вас?

Неужто колыбельных песен звуки,
Застрявшие в устах убитых матерей,
Не проникают из-за запертых дверей,
Не обрекают вас на муки?

Вы созерцали, не подняли руку.
Но прах тоски вам не стряхнуть.
И сколь бы ни был долог путь,
Вы пронесёте эту муку.
Переложение: Дуйсбург. 13.11.2010 г.

– · –

Печально веет по дорогам ветер.
С корнями вырваны, – нет, не деревья, нет, –
Померкнувшей любви далёкий свет
Их освещает, – это дети. Дети!

Их трепетные тени, страхи их
Впадают в ночь, как в смерть впадают.
Их души, словно свечи, тают.
Хоронит вечер так детей своих.

В горах из боли, что на нас взирают,
Отцы и матери их снова умирают...
Переложение: Дуйсбург. 14.11.2010 г.

Тут и там

Фонарик милосердья тут и там
Поставить бы для рыб (и для людей), –
Там, где крючок и леска, где злодей
Приуготовливает сеть и петлю нам.

Или туда, где те, что влюблены,
Любовью-ревностью изводят друга друг.
Мучения! Зачем? Когда любовь вокруг
Так уязвима? Без вины...
Переложение: Дуйсбург. 14.11.2010 г.

– · –

Пусть он придёт издалека,
Пусть будет он похож на птицу иль зверька,
Пусть будет речь его странна и непонятна,
Пусть будут в ней шумы и звуковые пятна,
Но, если он придёт зимой, согрей его,
Одень теплее, накорми, – как друга своего.

Он странник – он не ищет ничего.
И родина – в суме, в суме его.
Там край его – простой и милый
Он ничего не ищет для него.
Да, ничего, – ну, разве что, могилы.
Переложение: Дуйсбург. 16.11.2010 г.

– · –

Как волос – линия меж мною и тобой.
Она влечёт меня наружу.
Сквозь ночи смертные, сквозь стужу,
Сквозь всё, что стало нам Судьбой.

Трамплины тьмы бросая чрез багрянец,
Нам продлевает мыс твой вечер.
Струна трепещет, защититься нечем.
Мы продолжаем смерти танец...

Но такова любовь...

Переложение: Дуйсбург. 16.11.2010 г.

— · —

Не знаю мест, где беженка-любовь

Слагала б о победе песни;

И где б виденья вновь и вновь

Врастали в мир, что всех чудесней;

Где детская улыбка из огня

Была бы спасена и сохранилась, —

Об этом знаний нету у меня.

Но знаю я, что в этом Божья милость.

Переложение: Дуйсбург – Эссен. 17.11.2010 г.

— · —

Цепь загадок на шее ночи,

Королевский девиз вдали, —

Может быть, комета хочет

Рассказать, как рана болит...

Всё измерено нашим телом —

жизнь и смерть.

Неумелому как быть смелым, —

умирать надо тоже уметь.

Переложение: Эссен – Дуйсбург. 17.11.2010 г.